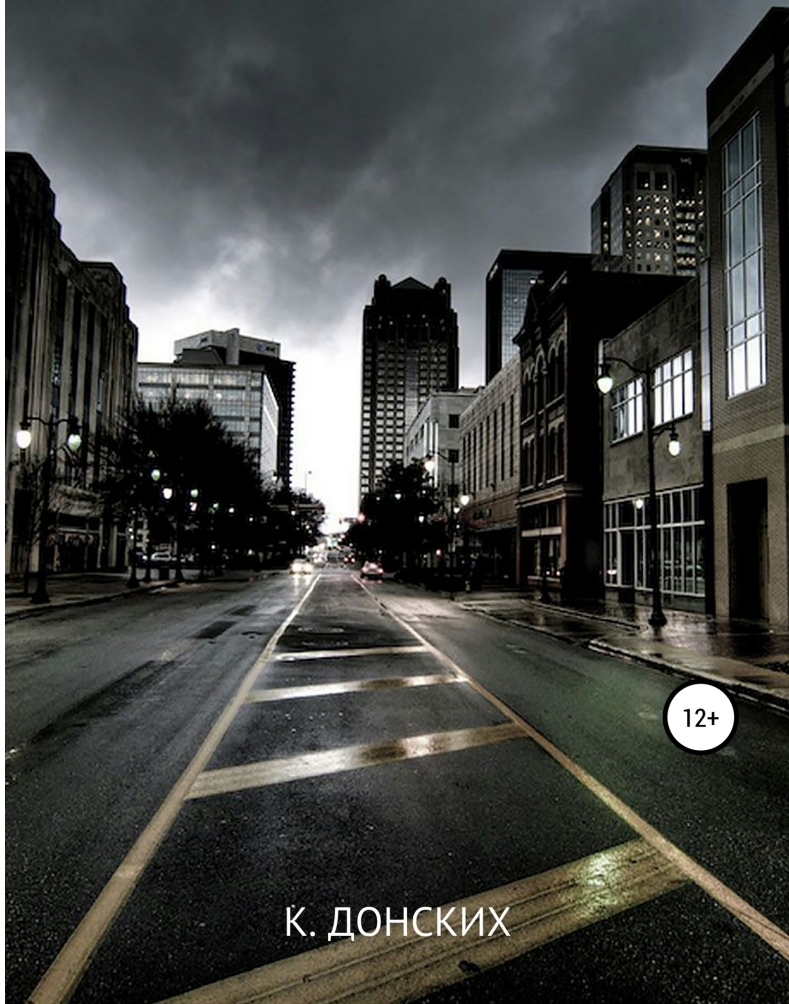

СЛУЧАЙ В ПРИСТРОЙКЕ №23

12+

К. ДОНСКИХ

К. ДОНСКИХ

Случай в пристройке №23

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55721708

SelfPub; 2020

Аннотация

Настя с Кариной – сёстры из Москвы. Одна бессимптомно болеет коронавирусом, носящем всемирное название COVID-20, второй волны эпидемии. Другая уникальный случай – при бесчисленном контакте с больными и не имея за спиной других тяжёлых болезней – не способна заразиться вирусом. Одна наравне с другими сдаёт плазму, чтобы помочь в изготовлении вакцины против пандемии, кровь другой используется для экспериментов по той же причине. В рассказе появляется третий персонаж, который вносит значительное разнообразие в их ежедневный "день сурка".

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

13

– Не понимаю, почему я должна мучиться за наше правительство? Уже девять месяцев минуло с первого заражения в мире. В Западной Европе пандемия давно отпустила несчастных – новых заражений давно как нет. В Азии, Северной Америке народ ещё мучается. Но у них там и выплаты, наверное, посерьёзнее за сдачу плазмы. К тому же, первые вариации вакцин оказались не такими уж и успешными, если СМИ не врут.

Двадцатилетняя Настя Буйкова бубнила своей старшей сестре данные, услышанные по Первому каналу. Она в них ничего не понимала, копировала бегущие строчки внизу экрана, и нараспев умным видом продиктовывала всё так, как если бы она недавно вступила в противоправительственные организации, которые мелкими шайками стали популяризоваться в регионах России и заключали в себе не особо мудрую, но жаждущую перемен молодёжь. Последней банально претила мысль о том, что власть, как и любой живой человек иногда совершает ошибки. А раз из-за них гибнут беззащитные люди, то и бороться надо не с вирусом, а с верхами. Такие образовывались в тех областях, где зарплаты не доходили до уровня московских десятками тысяч рублей. А значит, стоило обижаться. Задетому морально и материально человеку было естественным бунтовать и недовольствоваться тем, что он имел. Насте же, на самом деле, было наплевать на них и на происходящее вокруг. Она изрыгнула лейтмотив негатива из-за отсутствия настроения. Ведь её

старшая сестра, которая чуть ли не за руку притащила её в отделение для сдачи донорской плазмы, считала, что таким поступком Настя спасает планету. Что один человек способен помочь десяткам, а то и сотням. И раз Насте выдалось переболеть COVID-19, который сейчас перетёк во вторую волну и стал 20-ым, то у остальных была надежда не заболеть вовсе.

– Тебе грех жаловаться, – сказала она, положив подбородок на придерживающие его указательный и большой пальцы, – ты та, что болела бессимптомно. Что тебе жалко своих антител?

– Да дело даже не в этом. Я не доверяю нашим больницам. Занесут мне сейчас гепатит В или чего похлеще. У меня друг есть, ему аппендицит вырезали в юном возрасте. Уже взрослым узнал, что заражён. Так как других вариантов, кроме той операции не было, считай, врачи тогда постарались, не продезинфицировали свои скальпели или чем они там ещё режут.

– Бррр, да им везде можно заразиться. Вон пойдёшь к своей маникюрщице, а у неё до этого инфицированная была с ранками в ногтях. Ты сама вон кутикулу жуёшь регулярно.

Настя постыдно спрятала руки с маникюром трёхнедельной давности и потрепала призывную кутикулу на обоих больших пальцах. На них тут же образовались шершавые отростки, которые в действительности так и тянуло оторвать.

– Не знаю. Но когда я кровь сдаю в нашей поликлинике

мой ипохондрический голос так и шепчет «они до этого кололи наркомана этой иглой».

– По-моему, ты преувеличиваешь. К тому же сама призналась, что ипохондрик. А это уже, простите, психосоматика.

– Ещё скажи, что таких случаев никогда не было.

Карина вдохнула и решила, что молчание это золото, которое при разговоре со своей сестрой не раз выручало. Она подошла к окну, за которым уныло моросил дождик. На дворе стоял сентябрь. Её всё также, как и летом не покидали мысли о том, что когда всё закончится она, наконец, улетит отдыхать. Их с мужем не манили знаменитые Бали, Тайланд или Турция. Она мечтала увидеть настоящую Африку – побывать в Намибии, Эфиопии, скрасить их очаровательным Занзибаром. Выбрать один аэропорт прибытия и путешествовать от него на машинах, в отдельности где-то на пароме. А на финальном пути, перед прибытием на «лежачий курорт» прокатиться вдоль восточного побережья Занзибара на воздушном шаре, как сделал Самуэль Фергюсон¹ в 19 веке. Месяц на всё. Этого бы хватило.

Мысли Карины вернулись на серый московский фон, по днищу которого дождик забил сильнее. Гипнотизировавшие круги в лужах продолжили рисовать фантазии, и девушка вспомнила себя маленькой в резиновых сапожках отчего-то на два размера больше. Так было здорово прыгать в них в

¹ Главный герой книги «Пять недель на воздушном шаре» (фр. Cinq semaines en ballon) – первый приключенческий роман Жюль Верна

дождливую погоду и заходить в самые глубокие места, оставляя непокрытыми жижей всего два сантиметра с верхнего края. То чувство казалось тогда выплеском адреналина от страха залить ноги той самой субстанцией. Но она никогда не заливала. Зато бежала потом на поиски дождевых червей, которые собирались после дождя в огромном количестве и расползались в рандомном направлении из своих норок. Карине всегда было интересно, куда и зачем они ползли.

Сейчас на улицах не было ни одного человека. И причиной тому был отнюдь не дождливый, нерадивый денёк, но эпидемия. Та захомотала своих домочадцев в своих тесных квартирах, или наоборот, просторных дачных участках и не выпускала под угрозой слечь на месяц с отёком лёгких и других противных симптомов. Карина знала, что даже когда выглянет солнце, людей от этого всё равно не прибавится ещё по той причине, что власти РФ штрафовали нарушителя на федеральном уровне уже на 25 000 рублей. И было совсем неважно, в каком регионе появлялся такой нарушитель – закон был един во всей стране. Когда в середине мая из-за аномально холодной погоды, которая, к слову сказать, была в среднем не выше десяти градусов тепла, вирус по былым прогнозам не ушёл, ввели чрезвычайное положение, а людям пошли заветные выплаты в связи с форс-мажором неубиваемого COVID-19, штрафовать выходящих на улицу стали поголовно и без зазрения совести. Чтобы попасть в центр донорства сёстрам приходилось заказывать цифровой

пропуск, и в ходе очереди переболевшим коронавирусом, которая иной раз длилась пару недель, разрешалось пожить в больнице с полным обеспечением в специализированной палате, напомилавшей обычную комнату.

Карина была не единственной, ни разу не подцепившей коронавирус за множество контактов с больными, но выявить таких как она на все почти восемь миллиардов человек считалось редким. Она была одна из немногих, кто в прошлом не переносил ни острый респираторный синдром, ни атипичную пневмонию, которые могли по утверждению некоторых специалистов являться защитными барьерами против Ковид сегодня. Как-то её даже прозвали феноменом, и один журналист даже взял у той интервью у дверей больничного центра № 23, расположившегося полевым способом на юго-востоке столицы. То была деревянная постройка, подобие которой на скорую руку смастерили на съёмочной площадке в симпатичном и уникальном месте недалеко от Химок и Зеленограда в Пилигрим Порто – киногородке, где расположены декорации Европы XVIII века. Их построили для съёмок художественного фильма «Записки экспедитора тайной канцелярии». Деревянные дома в историческом стиле оснащены внутренним убранством. Через широкий участок земли, служащий для обозначения моря простирается пиратский порт. Недалеко от него стоит парусник Джека-Воробья, возведенный по эскизам кораблей того времени в натуральную величину. Также быстро, как и те ки-

нопостройки в Москве соорудили сразу несколько деревянных медучреждений в довесок различным блокам и залам, уже переполненных ковидниками средней и тяжёлой стадий. Больничный центр 23 был пристройкой к 23-ей поликлинике, оттого и получил такую нумерацию. Внутри обстановка походила на стационар с его узкими коридорами, по бокам расположившимися палатами из различного количества коек. Но древесина пропускала внешние природные проявления куда чаще каменных блоков, отчего внутри гулял ветер и сырость.

Как и ожидалось ранее, если таковые как Карина существуют, то найти вакцину с их помощью будет гораздо проще, ведь иммунные клетки таких «незаражённых» считались бы самыми ценными. Однако то открытие, которое сулило надежду миллионам, было разгромлено второй волной вируса и в связи с его начавшимися мутациями сводило помощь таких как Карина к не стопроцентной. Над ней уже провели десятки опытов и было взято множество крови, но вирусологи начали признавать неспособность незаражённой повлиять на разработку эффективной вакцины. На её клетках создали пару лекарств, но они лишь оттягивали момент заражения, или вылечивали, но пациент заражался с большей лёгкостью во второй раз.

Хорошо, что её младшую сестру не трогали. Бессимптомно больных было пруд пруди. Что говорить, если зачастую люди даже не осознавали своей болезни. Были случаи, когда

недомогания сводились к нулю и возможным к определению болен ли ты коронавирусом служил аляповатый симптом – отсутствие обоняния. Однажды утром ты пил кофе, но отчего-то не чувствовал его сладкий и пряный аромат. Но лишь ощущая лёгкую горечь и видя собственными глазами тёмно-коричневый, пузырчатый напиток, ты понимал, что пьёшь не что иное, как именно кофе. Совершенно здоровый с виду и по самочувствию человек намазывал на палец кислотный, салатный васоби со вкусом хрена и ощущал разве что текстурность на языке. Некоторым и это было недоступно первые пару недель после заражения. Настя имела обоняние и чувствовала вкус. Просто наравне со своей сестрой сделала анализ на COVID и он вдруг оказался положительным. А также КТ лёгких заприметило изменения в лёгких – то были лёгкие помутнения, растянувшиеся на рентгеновских снимках, как белые головастики в чёрной болотной жиже. Такой эффект медики называли «матовым стеклом».

После центра донорства девушки приезжали в так называемый между собой больничный санаторий, где они выбрали находиться за счёт государства пару недель с возможностью ездить домой при защите на лице и руках. Это было подарком для тех, кто являлся донором для более, чем двадцати людей. В том же самом месте на втором этаже лежал мужчина семидесяти трёх лет. Корона давалась ему тяжелее и ухабистее. Отдышка раздражала его даже во сне, а постоянный жар плавил виски, отчего голова и тело болели и ломи-

лись, как головешки сгоревших поленьев. Его единственным моционом было небольшое расстояние от палаты до туалета, который был общим для таких как он смертников. Последних так называли, потому что мало кто в состоянии старика выкарабкивался. Сейчас их было пять, с артритной болью шагающих мелкими припрыжками сто метров до очищаемого ежедневно хлоркой унитаза. На прошлой недели было семь, двое скончались. То были сопутствующие факторы, влияющие на кончину – общее ослабление организма, отсутствие аппетита, предрасположенность к пневмонии, и наконец, сама двусторонняя пневмония. Они уже не кашляли. Просто угасали, как угасает солнечный свет в полу сумрачном природном покое. Когда свет уходит, уходит и надежда. Свет является рождением тепла, а престарелые ковидники несмотря на температуру, превращались в оледенелые статуи, инстинктивно бродячие по уродливому коридору. На его стенах висели плакаты о здоровье. Они были помещены в дешёвые, но аккуратные рамки и могли бы стать предметом уюта, если бы не несли в себе идею болезни, как таковой. А болезнь, как и смерть, которыми пропах этот коридор, были сами по себе уродливыми.

Сегодня Виталий проковылял мелкими шажками на celý этаж вниз. Поправляя на себе съезжающие от худобы пижамные штаны, он не сразу сообразил, что на первый этаж он, без помощи, возможно, не доберётся. Но уж очень хотелось посмотреть, как живут те, что снизу. Тем более, он уже

слышал о двух сёстрах, которые вот уже дней десять жили у него под полом.

– Вдохнуть последний раз запах молодости, – подумал он и поправил свисающие, как кольца у быка носовые трубки. По ним он получал увлажнённый кислород для облегчения дыхания. Сам он был прикреплён к металлической, переносной стойке, которую на самом деле носить не разрешалось. Она стояла у его кровати. Однако, лежать на открашенных подушках вот уже несколько недель было просто невыносимо. Вот он и шаркал в своих мягких тапочках на зло системе, подслушав о соответствующей возможности от медсестры. Та думала, что он спит, когда делала очередной осмотр, так как рот его был широко открыт и Виталий храпел. Его обнажившиеся при этом ровные, но вставные зубы являлись перегородкой, через которую просачивался горячий воздух и со свистом влетал в мелкие, пластиночные щёлки. Медсестра буркнула грубо, чтобы тот закрывал рот, когда спит и тут же сообщила зачем-то о предстоящем дне рождения, который она под запретом всё же отметит со своей напарницей в их маленькой комнатке для персонала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.